

“Философия. Социология”).

3. Морен, Э. Каково будущее человека как вида? / Стивен Джей Гаулд, Эдвард Морен // Ключи от XXI века: Сб. статей.– М., 2004. – 317 с. – С. 31–42.
4. Соул. [Электронный ресурс] – Режим доступа до статті: <http://uk.wikipedia.org/wiki/>
5. Спірічуелс. [Электронный ресурс] – Режим доступа до статті: <http://vseslova.com.ua/word/>
6. Attebery B., The Fantasy Tradition in American Literature: From Irving to Le Guin / Brian Attebery. – Bloomington: Indiana University Press, 1980. – 224 p.
7. Pratchett T. Mort. – Victor Gollancz, Victor Gollancz, 1988. – 207 p. – Систем. вимоги: Pentium ; 32 Mb RAM ; Windows 95, 98, 2000, XP, Vista, 7; MS Word 97-2010. – Назва з контейнера.
8. Pratchett T. Soul Music / T. Pratchett [Электронный ресурс]. – Victor Gollancz, 1994. – 180 p. – Систем. вимоги: Pentium ; 32 Mb RAM ; Windows 95, 98, 2000, XP, Vista, 7; MS Word 97-2010. – Назва з контейнера.

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ КАК АСПЕКТ МИФОПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГОРА ВИДАЛА)

Оксана ЕРМОЛЕНКО

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

Розглядається своєрідність функціонування есхатологічних структур у сучасному літературному дискурсі. Показано образ “кінця світу” як дидактичний аспект романної і публіцистичної творчості Гора Відала. Дослідження засноване на синтагматичному методі аналізу.

Ключові слова: міфологема, сюжетно-образний матеріал, кібер-свідомість.

Рассматривается своеобразие функционирования эсхатологических структур в современном литературном дискурсе. Показан образ “конца света” как дидактический аспект романного и публицистического творчества Г. Видала. Исследование основано на синтагматическом методе анализа.

Ключевые слова: мифологема, сюжетно-образный материал, кибер-сознание.

The peculiarities of functioning of eschatological patterns of modern literary discourse are considered. The mode of the end of the world as a didactic aspect of Gore Vidal's novels, social and political essays is revealed. The paper is based on the syntagmatic analysis method.

Key words: mythologem, plot-figurative matter, cyber mentality.

Мифы о конце света, по мнению М. Элиаде, “выявили “подвижность происхождения”: действительно, с некоторых пор “происхождение”, “генезис” располагается не только в мифическом прошлом, но и в отдалённом, легендарном будущем” [12, с. 55]. М. Элиаде замечает, что у многих древних народов, в частности, индоевропейских, в “эсхатологии главное – не конец мира, а уверенность в новом начале” [12, с. 75]. Например, в мифах о космических катаклизмах рассказывается, каким образом был разрушен мир и всё человечество уничтожено за исключением одной пары или нескольких мужчин и женщин, оставшихся в живых. Именно этот миф был положен Г. Видалом в основу романа “Калки” (Kalki, 1978).

Роман “Калки” продолжает религиозную тематику историко-мифологического дискурса романиста. Он повествует об обезумевшем ветеране вьетнамской войны, объявившем себя Калки – последним воплощением индуистского бога Вишну – и умышленно уничтожившим весь род человеческий с помощью некоего вируса, чтобы стать прародителем новой расы. “Его миссия... – Эсхатология... – У него аирам в Катманду. Он окружён хиппи. Все они принимают наркотики. Настоящее имя Калки – Джеймс Дж. Келли. С его появлением на Земле человечеству придёт конец”, – так начинается рассказ о новом мессии [2, с. 21]. В конце романа пятеро “совершенных мастеров” остаются в гордом одиночестве без возможности продолжить человеческую жизнь. В романе автор затрагивает новомодные на тот период времени проблемы современности: контролируемая генетика, экологические катастрофы, реактивные самолёты, энтропия, восточные религии, контроль над рождаемостью, бисексуальность, насилие, наркотики, феминизм. Данная “новомодность” позволяет писателю создать сатирический эффект, хотя “современной реальности столь органично присущи абсурдные черты, что создатель комической фантазии должен лишь точно описывать мир таким, каков он есть” [13, с. 27]. Американский литературовед Р. Кирнен характеризует “Калки” как сатиру нигилистического толка. Впрочем, нигилистические позиции Видала, как было неоднократно нами замечено в предыдущих публикациях, находятся на поверхности многих его произведений. Г. Видал не испытывает особого оптимизма относительно будущего человечества и продолжает тему ужасающих событий современности, основанных на собственном понимании существующего порядка вещей. Апокалипсическое представление

о гибели цивилизации в романе аналогично сказанному в священной книге Индии “Бхагават-Пуране”, повествующей о том, что в сумерках эпохи Кали-Юги, когда везде царями будут воры, владыка Вселенной родится в виде Калки и прибудет верхом на белом коне, держа в руке меч сверкающий, подобно комете, он накажет грешников и утешит добродетельных, после чего разрушит мир, а позднее из руин поднимется новое человечество. *“Видал характеризует современную эпоху как “век Кали” (в системе индуистского учения предшествующий концу света), как замкнутую, подверженную энтропии систему, в которой царит полный хаос”* [10, с. 184]. В романе автор широко использует индуистскую мифологию конца света, образы индуистской мифологии и сами мифы, где Вишну и Шиве приписываются соответственно функции хранителя и разрушителя Вселенной. *“...Когда настает время конца, я уничтожаю все миры. Я – Шива-разрушитель”* [2, с. 257].

Тема противостояния Добра и Зла является доминантной в различных произведениях писателя. В романе “Калки” Гор Видал подчеркивает, что *“понятия “добро” и “зло” не имеют смысла, если отсутствует шкала, позволяющая измерять человеческие качества”* [2, с. 376]. Мотив противостояния Добра и Зла как нравственных категорий и смысловых понятий играет важную роль в дуалистических мифах, а так же находит продолжение как чисто литературный мотив в культуре нового времени. *“Концепты хаоса и порядка, тесно связанные с категориями добра и зла, всегда имели не только научное, но и мифологическое, философское, историческое, этическое и эстетическое наполнение. Практически, на протяжении всей истории человечества хаос нёс в себе преимущественно негативный смысл, определяя всё “чужое”, неоформленное и неподконтрольное, лежащее вне Бога, вне человека, вне культуры и вне цивилизации”*.

Образ “конца света” и образ одинокого очевидца становятся исходными структурными компонентами художественного мира Видала в романе “Калки”, как и в творчестве немецкого писателя Г.Э. Носсака. Реальная картина пожара Гамбурга (повесть “Гибель”, Der Untergang, 1948) приобретает апокалиптические черты, а к концу произведения оформляется уже целиком символическая ситуация: человек остался один на голой земле после вселенского пожара.

На протяжении мировой истории оживление эсхатологических идей, когда мотив конца света становится “подвижным”, проявлялось особенно ярко в периоды социальных кризисов. Во второй половине

XX в. угроза ядерного уничтожения, за которым не последует нового сотворения мира, экологической катастрофы, новоявленные природные катаклизмы, террористические акты и атаки, силовое решение этнических и религиозных конфликтов значительно активизировали функционирование сюжетов, повествующих о геологических и социально-политических катаклизмах, а эсхатологические мифы и легенды оказались продуктивной сюжетной основой для создания произведений-предостережений.

В американской литературной традиции апокалипсическая тема зачастую рассматривается как одна из центральных, поскольку американские писатели часто обращались к изображению конца света. Профессор английской филологии Д. Робинсон включает в это число следующие произведения: Р.У. Эмерсон “Природа” (Nature, 1836), Э.А. По “Повесть о приключениях Артура Гордона Пима” (the Narrative of Arthur Gordon Pym, 1838), “Низвержение в Мальстрем” (A Descent into the Maelstrom, 1841), Г. Мелвилл “Моби Дик” (Moby Dick, 1851), Р. Элиссон “Невидимый человек” (Invisible Man, 1952), К. Воннегут “Колыбель для кошки” (Cat’s Cradle, 1963), У. Фолкнер “Авессалом, Авессалом!” (Absalom! Absalom!, 1936), Н. Готорн “Дом о семи фронтах” (The House of the Seven Gables, 1851), Дж. Барт “Козлююноша Джайлз” (Giles Goat-Boy, 1966), Н. Уэст “День саранчи” (the Day of the Locust, 1939). В исследовании “American Apocalypses: The Image of the End of the World in American Literature” [15] профессор подчёркивает, что сама “идея Америки” в истории человечества является апокалипсической, поскольку возникла как претворение за океаном чаяний протестантской реформации. Идея апокалипсиса подрывает общепринятую в Америке систему ценностей и выдвигает свои представления и ценностные ориентиры. Будучи открытым вызовом господствующей американской идеологии (а именно этот вызов, как мы пытаемся показать в данной работе, бросает Видал Соединённым Штатам), апокалипсическая идея исходит из иных представлений об истории и культуре Америки.

Роман “Мессия” (Messiah, 1954), созданный Видалом в начале пятидесятых годов минувшего столетия, был обращён к будущему, к рубежу XXI в. Видал использует форму мемуарного повествования, пытаясь развенчать христианские ценности и христианскую мифологию. В нём Видал говорит о проблемах религии, которые, по его мнению, заключаются в крушении моральных запретов, разрушении элементарных критериев нравственности (провозглашённая в качестве мировой, согласно роману “Мессия”, так называемая, лжерелигия теряет

нравственные нормы и нарушает главную заповедь “вечного и неизменного” морально-религиозного божественного предписания “не убий”). Вспомним, что эти же проблемы поднимаются писателем позднее в романе «Юлиан». Речь идёт о возникновении современного мессии Дж. Кейва, некоего антихриста, проповедующего религиозный культ смерти. *“Смерть должна была стать проявлением страсти; преступлением стало жить, смерть – лучшая реальность...”* [16, р. 208]. Ретроспективное повествование ведётся от имени Е. Лютера, главного действующего лица романа “Мессия”, в котором Евгений становится одной из ведущих философских и этических сил на фоне вновь возникшей современной религиозной системы – кейвизма. Дж. Кейв – центральная религиозная фигура романа – бывший гробовщик из Сиэтла благодаря современным средствам коммуникации и усилиям своих сторонников превращается в силу, способную не столько создавать, сколько уничтожать. Он завоёвывает не только США и Европу, но и всё человечество, пропагандируя философскую идею, основная мысль которой заключалась в особом отношении к вопросу смерти и принятии её человеком.

Роман “Мессия” – первое произведение Гора Видала, в котором он публично атакует религию как систему, разрушающую добрую волю человека, и затрагивает темы, к которым неоднократно обратится впоследствии в романах и публицистических работах, говоря о средствах массовой информации как о способах формирования вкусов публики и выполнения социальных заказов, в результате чего происходит изменение общей социо-культурной ситуации в обществе и формирование стереотипов массового сознания (“Калки”, “Прямой репортаж с Голгофы”). Гор Видал делает очередную попытку развенчания *“мифических структур образов и поведения”*, которыми, говоря словами М. Элиаде, *“пользуются в своём воздействии на общество и коллективы средства массовой информации”* [12, с. 173]. Параллель, проведённая автором романа “Мессия” между кейвизмом и христианством, достаточно очевидна. Покровитель Кейва П. Химмел играет роль легендарно-церковного героя апостола Павла; А. Мортимер, под чьим чутким руководством кейвизм стал едва ли не мировой религией, – Девы Марии; Лютер – апостола Луки и т.д. Правда, соответствия между жизненным путём Дж. Кейва и Иисуса Христа весьма сомнительны, хотя инициалы J.C. говорят сами за себя. Пародия христианского мифа, тем не менее, находится на втором плане, поскольку Видал в первую очередь пародирует современную американскую

действительность. Он иронизирует в отношении всемогущественных средств массовой информации и коммуникаций, превративших Дж. Кейва в мессию мирового масштаба, чья философия и внешность покорили миллионы людей. По Видалу, Дж. Кейв воплощает в себе образ любого американского политика или лидера, который умело использует любое пустое “боговдохновенное” вероисповедание с целью завоевания аудитории.

Очевидными, на наш взгляд, в романе “Мессия” видятся экзистенциальные мотивы, которые тесно переплетаются с мотивами смерти в повествовании: “бытие-к-смерти” как основная идеология кейвизма. Но многие представители американской нации добровольно уходят из жизни отнюдь не потому, что оказываются в безвыходных, пограничных или кризисных жизненных ситуациях, а просто потому, что Джон Кейв смог превратить самоубийство в желанное явление. Известно, что *“в своём “чистом” виде экзистенциализм в американской литературе почти никогда не выступал. Но влияние экзистенциализма или проявление близких ему мотивов чувствуется в большей или меньшей степени у многих писателей США”* [5, с. 44], в том числе и у Гора Видала, потому как начало его творчества соотносимо с послевоенным периодом, когда “особая интеллектуальная формация, именуемая экзистенциализмом”, переживала расцвет в Соединённых Штатах (подробнее см. статью автора “*Экзистенціальні мотиви в романі Г. Відала “Месія”* [6]). Поскольку экзистенциальная направленность выражает общие болезненные процессы в жизни общества, очевидно, что *«американская лидирующая традиция индивидуализма, выросшая в государственную религию, была отягощена пуританским наследием, в котором основной сенс сводился к борьбе бога и сатаны, добра и зла внутри человека»* [5, с. 39], специфическим “американским” образом жизни, связанным с прагматизмом, процессом “омассовления”, усреднения, деперсонализации личности и максимальным отчуждением человека. На эти особенности проявления экзистенциалистского подхода в литературе США указывает Т.Н. Денисова в монографии “*Экзистенциализм и современный американский роман*” [5]. В значительной степени экзистенциальное начало можно проследить в романе “Юлиан”, где очевидно ощущение извечного одиночества человека у власти, фатализм, ожидание смерти, ставящие исторического героя в экзистенциалистское положение пограничья, “кризисную ситуацию”

выбора.

Оба романа (“Мессия”, “Юлиан”, Julian, 1964) объединяет общая проблема: религиозный фанатизм потворствует человеческой страсти стать Богом и покидает его в момент апофеоза. В основе и той, и другой веры, кажется, находится благородное начало. Кейвизм пытается избавить человека от страха смерти, возрождающееся язычество должно было освободить от христианского догматизма. В обоих случаях гуманистическое начало было сведено на “нет”. Обе системы доказали, что противоположностям чуждо примирение.

Ещё одной смелой попыткой (“в духе Салмана Рушди” [4]), “изобличить” христианский миф, в гротескной форме пересмотреть библейские сюжеты стал роман “Прямой репортаж с Голгофы” (Live from Golgotha, 1992). Правда, только с первого взгляда, может показаться, что Гор Видал проявляет солидарность с Салманом Рушди, демонстрируя, что “христиане тоже могут богохульствовать” [14]. Компьютерный хакер предпринимает виртуальное путешествие во времени через киберпространство, чтобы вернуться к истокам возникновения христианства и переписать его историю или полностью стереть. Иисус живёт в XX в., воплотившись в гениального компьютерного хакера-сиониста, составляющего сценарий радиопостановки сцены распятия, в которой погибает не Иисус, а Иуда. Он переписывает (или стирает) большую часть Нового Завета. Телевизионные сети с помощью машины времени превращают день распятия в шоу высокого класса. Христианство спасено.

Таким специфическим образом Гор Видал выставляет напоказ то, что считает пороками общества конца II-го тысячелетия (гомофобию, сионизм, “телевизионный менталитет”, экономическое доминирование Азии), используя возможности *нестандартного переосмысления традиционного сюжетно-образного материала*, обогащённого элементами фантастики. В данном случае Видал следует литературной традиции иронического переосмысления общеизвестных сюжетов и образов с использованием легендарно-мифологических структур в их общепринятом “сакральном” контексте. Известно, что литературе XX в. “чуждо “благоговейное” отношение к каким-либо сюжетам, особенно к их традиционным толкованиям; скорее это осмеяние авторитетов древности и литературных кумиров, эстетическое и смысловое снижение семантики литературных героев” [9, с. 116]. Как замечает исследователь А.Е. Нямцу, “скептицизм литературы XX в. по отношению

к традиционному сюжетно-образному материалу не имеет мировоззренческой направленности, это скорее литературный приём, ориентированный на достижение определённого идейного и художественно-эстетического эффекта” [9, с. 116]. Очевидно, по нашему мнению, что в силу своего нигилистического мировоззрения Гор Видал создаёт пародийную “версию” мифа Христа, наполнив её новым идейно-эстетическим содержанием, не случайно назвав роман “Прямой репортаж с Голгофы. Евангелие от Гора Видала”.

Литературная пародия Видала, не в последнюю очередь направленная на виртуальные миры, была создана в начале девяностых годов и, отметим, что её актуальность возрастает со временем, особенно в начале XXI в. Современное постиндустриальное общество всё больше и больше вынуждает человека соприкасаться с искусственной средой (телевидение, компьютерные сети, парки развлечений и т. д.), а тенденция к виртуализации распространяется на все сферы бытия, отчуждая человека от мира подлинного. “Идея виртуальной реальности первоначально возникла и стала воплощаться в среде маргинальной контр-культуры, получившей впоследствии название “киберпанк” (США, 1970–80-е), где виртуальная реальность стала одним из центральных элементов своеобразного либерально-идеологического дискурса” [8, с. 173]. Кстати, впервые с критикой киберпространства выступил в фантастическом романе-техноутопии “Neuromancer” У. Гибсон. Относительно резких изменений интеллектуального климата в США во второй половине 70-х гг. говорил американско-венгерский учёный Иштван Чичери-Ронай, который ввёл специализированный термин “*мутотия*” [7, с. 137]. Учёный подчёркивал, что в условиях ускоряющейся изменчивости и мобильности постмодернистской культуры пришла “*идеология киборгов*”, выражавшаяся в сращивании человека с современной “*хайтек*”, что оказалось наиболее подходящей мифологией для поколений, ставшими свидетелями коллапса “ложных воздушных замков” идеологий западной традиции. В результате сформировался специфический *модус* жизни, отмеченный безудержной погоней за новшествами преимущественно техногенной цивилизации и полной потерей нравственных ориентиров.

Как результат появления и широкого ускоренного развития техносреды, на первый план выдвигаются новые актуальные проблемы современности, касающиеся не только сложных взаимоотношений человека и природы (когда “экологическое сознание стало важнейшей составляющей новой

мировоззренческой парадигмы” [11, с. 45]), приведших к угрозе ядерного и экологического апокалипсиса), но и отношений в рамках “человек – человек”. Кризис современной цивилизации, очевидные признаки которого прослеживаются в современных обществах, сопровождается деградацией и распадом личности, когда мораль практически потеряла свою ценность и перестала выполнять предписанную ей обществом функцию. Духовный кризис XX–XXI вв., на наш взгляд, неизбежно приближает человечество к апокалипсису нравственному. “В современном информационном обществе степень искусственности внешней среды достигла столь высокой степени, что возникла угроза разрушения идентичности человеческой личности как природного и социально-культурного феномена” [11, с. 41], – подчёркивает российский исследователь в области американской литературы Е.А. Стеценко в монографии “Экологическое сознание в современной американской литературе” [11].

Идейно-эстетическая основа романов “Калки”, “Майры Брекинридж”/ “Майрона” о катастрофическом потенциале современности аналогична многим другим произведениям Гора Видала. Трагические черты видаловского дискурса в романах “Калки”, “Мессия”, “Майра”/ “Майрон”, “Дулут”, по нашему мнению, связаны не столько с экологическим кризисом как одной из причин катастрофического умонастроения эпохи, сколько нравственным. Апокалипсические прогнозы и умонастроения автора прослеживаются в семитомнике “Саги о Золотом веке, 1776–1952”, а также многочисленных публицистических работах, где Видал избирает стержнем своего творчества изображение имиджа Соединённых Штатов Америки как “жесточайшей империи”, которую ожидает закат. Картина американского “сегодня” в изображении Видала выглядит достаточно угнетающе. Мир, который изображает Видал, полон глупости и самонадеянности, высокомерия и снобизма. Вся государственная система США сравнивается писателем с “высокоорганизованным зоопарком” [18, р. 908] и представляется порочным кругом взаимно оправдывающих друг друга обманов и самообманов. “Лицемерие и самообман, – делится наблюдением публицист, – традиционные характеристики среднего класса в любое время и в любом месте. И Соединенные Штаты сегодня – это образцовое общество среднего класса. Поэтому мы едва ли можем осудить наших политических игроков за стандартные действия. Любой общественный деятель имеет полное право попытаться обмануть нас, и не только ради своего собственного

блага, но, если он честный, то и ради нашего. Однако если он сам не осознаёт, что он делает и к какому финалу ведёт его игра, то вверять ему непререкаемо то, что может стать последней империей на Земле – значит, подвергать опасности всех нас” *Hypocrisy and self-deception are the traditional characteristics of the middle class in any place and time, and the United States today is the paradigmatic middle-class society. (Therefore we can hardly blame our political gamesmen for being, literally, representative. Any public man has every right to try and trick us, not only for his own good but, if he is honorable, for ours as well. However, if he himself is not aware of what he is doing or to what end he is playing the game, then to entrust him with the first magistracy of what may be the last empire on earth is to endanger us all. (nep. – E.O.)* [17, p. 822].

Подтверждения тому Видал находит в американской истории: с самого начала основания США как государства американские политики больше всего боялись демократии и сделали всё, чтобы не допустить её установления. Писатель считает, что американцы должны пересмотреть свою конституцию, начав всё с начала, поскольку этот документ защищает только интересы класса имущих. В одном из интервью (09.02.2005) британской газете “The Independent” Гор Видал вновь усомнился в демократических намерениях своей страны, полагая, что сегодня мы получили государство, которое очень далеко от демократии, но мы всё равно пытаемся эту демократию везде экспортировать. “Я лично считаю, что на практике демократия – это просто красивое слово. Мы им пользуемся как кетчупом, добавляя во все блюда. Мы говорим, что несём демократию в Ирак. А в результате опять вечная война за вечный мир. Дело Трумэна живёт и побеждает. А кто будет после войны с Ираном? Россия? Или кто-нибудь ещё? Господи, помоги нам не разозлить Китай. Их ведь намного больше, чем нас”. Приобретённая репутация писателя-интеллектуала и интересного полемиста позволяет публицисту с видом разочарованного эксперта осуждать американское общество за упадок в образовании и невежество. Сетую на отсутствие у американцев интереса к хорошей литературе, Видал замечает, что привычку читать сохранили лишь в восточных странах, а интеллект исчез из общественной жизни американцев. Г. Видал неустанно подвергает критике внешнеполитический курс США, обвиняя именно американское правительство в нарастающем негативном отношении мировой общественности к американскому государству [4], “стране, возмнившей себя настолько близкой к совершенству, насколько это достижимо

для какого бы то ни было человеческого сообщества” [3, с. 4]. После воздушной атаки пилотов-камикадзе 11. 09. 2001 г. Г. Видал выпустил в Италии критическую работу “Конец свободам: на пути к новому тоталитаризму” (“The End of Liberty: toward a new totalitarianism”, 2002), включающую размышления об упомянутой трагедии в ретроспективе американских военных операций, начиная с 1948 г. По Видалу, ответственность практически за все конфликты этого периода лежит на США. Воздушная атака террористов 11. 09. представляется писателю закономерным результатом стиля американской политики: “*В мире, в котором дьявол находится постоянно настороже и бродит туда-сюда, подстерегая нас и склоняя к “добрым делам”, наша пресса хочет, чтобы мы поверили, что бен Ладен – олицетворение зла и что, следовательно, мы вынуждены обратиться к НАТО и взорвать всех демонов, которые предоставили ему убежище, чтобы преподнести ему урок, который мы никак не усвоим: в истории, как и в физике, действия без противодействия не существуют*” (In a world where the devil is constantly on the watch, walking up and down and tormenting us for being so kind, our press wants us to believe, that Bin Laden is simply a manifestation of pure and simple evil, and therefore we are obliged to invoke clause five of NATO and to detonate all the devils that had given shelter to him, to teach him a lesson that we ourselves never learn: that in history, as well as in physics, action without reaction does not exist (пер. – Е. О.)” [19]. Примечательно, что наиболее резкие высказывания Видала появились сразу после известных событий в интернет-изданиях и затем не вошли в упомянутый сборник эссе и очерков.

Такова мифологема “американской невинности” по-видаловски.

Настроениями катастрофического потенциала современности проникнуты произведения многих американских писателей, которые, предрекая неизбежный упадок и крах Западной цивилизации, тем не менее, не теряют надежды на возможное её возрождение. Например, Апдайк считает грядущую гибель цивилизации естественным процессом, поскольку история свидетельствует о том, что она развивалась по общим природным законам, и её основными двигателями были жадность, конкуренция, отчаяние, силы, которые “заставляют мир вертеться” (роман “К концу времени”, 1997). Но, в то же время, писатель ищет пути к нравственному преображению через слияние с духовной силой. Такие писатели, как Дж. Гарднер, К. Воннегут, Э. Колленбах, Д. Делилло, Дж. Хеллер, Э. Эбби непосредственно затрагивают экологические

проблемы, размышляя в то же время и о судьбах современной цивилизации, основной проблемой которой стало снятие напряжения между *аутентичностью* и *имитацией*, говоря словами культуролога М. Орвелла. Ж. Бодрийяр (“Америка”, 1996 [1]) противопоставляет кризис европейской цивилизации кризису американской, подчёркивая, что европейский кризис стал кризисом исторических идеалов, столкнувшихся с невозможностью их осуществления, а американский – кризис осуществлённой утопии, вставшей перед проблемой продолжения и устойчивости. У. Эко определил попытки имитации действительности как аллегорию общества потребления и квинтэссенцию потребительской идеологии (“Путешествия в гиперреальность”, 1986). Герои романа Дж. Барта (“Истории прилива”, 1987) в ожидании экологического апокалипсиса раздваиваются между желанием скрыться от гибнущей цивилизации и страхом перед потерей её благ.

“*Современная цивилизация (как её изображает литература), стремившаяся создать искусственный порядок, спровоцировала энтропию, отбросившую её к началу времён, то есть к естественному хаосу*” [11, с. 299], способному, тем не менее, к самоорганизации – вечному повторению, изменению и совершенствованию. “*В постгуманистическую эпоху человек перестаёт быть безусловной мерой всех вещей, атомизированное общество стремится к коммунитарности, анализ направлен к синтезу, а идея совершенствования мира и прогресса сменяется синергетической концепцией саморазвивающихся систем*” [11, с. 311].

Таким образом, Гор Видал представляет эсхатологическую мифологему в романном и публицистическом творчестве, повествуя о неизбежной катастрофичности милитаризированного *кибер-сознания* человечества и *нравственно-этического конфликта* общества. Видал говорит в своих произведениях о социально-политических катаклизмах современной цивилизации, в основе которых находится очевидный дидактический аспект, обеспечивающий своеобразие функционирования “эсхатологических” структур в современной литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Америка / Ж. Бодрийяр ; [пер. с фр. Д. Калугин]. – СПб. : Владимир Даль, 2000. – 205 с.
2. Видал Г. Калки : роман / Г. Видал ; [пер. с англ. Е. Каца]. – М. :

- ЭКСМО-Пресс, 2000. – 448 с.
3. Видал Г. Почему нас ненавидят? Вечная война ради вечного мира : очерки и эссе / Г. Видал ; пер. с англ. : Т. А. Кудрявцевой, А. А. Файнгара. – М. : ООО Издательство АСТ, 2003. – 155 с.
4. Галанова Е. Гор Видал исповедуется и собирается писать свой последний роман // Лит. газ. – 1993. – 21 июля (№ 29). – С. 6.
5. Денисова Т. Н. Экзистенциализм и современный американский роман / Т. Н. Денисова. – К. : Наук. думка, 1985. – 245 с.
6. Єрмоленко О. В. Екзистенціальні мотиви в романі Гора Відала «Месія» / О. В. Єрмоленко // Гуманітарний вісник. Сер. Філологія. Проблеми сучасної світової літератури та лінгвістики. – Черкаси : ЧІТІ, 2000. – № 4. – С. 36–40.
7. Ильин И. П. Постмодернизм : словарь терминов / И. П. Ильин. – М. : ИНИОН РАН ; INTRADA, 2001. – 384 с.
8. Новейший философский словарь / сост. и главн. науч. ред. А. А. Грицанов. – 3-е изд., испр. – Минск : Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
9. Нямцу А. Е. Поэтика традиционных сюжетов / А. Е. Нямцу. – Черновцы : Рута, 1999. – 176 с.
10. Стеценко Е. А. Концепты хаоса и порядка в литературе США (от дихотомической к синергетической картине мира / Е. А. Стеценко. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – 264 с.
11. Стеценко Е. А. Экологическое сознание в современной американской литературе / Е. А. Стеценко. – М. : ИМЛИ РАН, 2002. – 320 с.
12. Элиаде М. Аспекты мифа : пер. с фр. / М. Элиаде. – М. : Академический проект, 2000. – 222 с.
13. Kiernan R. American Writing Since 1945 : A Critical Survey / R. Kiernan. – New York : Ungar, 1983. – 178 p. – Bibliog. : p. 153–156.
14. Korn E. Meddling with Sacred History / E. Korn // TLS. – 1992. – 2 October. – P. 20.
15. Robinson D. American Apocalypses : The Image of the End of the World in American Literature / D. Robinson. – Baltimore ; London : Johns Hopkins univ. press., 1985. – 283p.
16. Vidal G. Messiah / G. Vidal. – New York : Panther, 1977. – 221 p.
17. Vidal G. The Holy Family / G. Vidal // The Essential Gore Vidal / [ed. by F. Kaplan]. – New York : Random House, 1999. – P. 808–823.
18. Vidal G. Thomas Love Peacock : The Novel of Ideas / G. Vidal // The Essential Gore Vidal / [ed. by F. Kaplan]. – New York : Random House, 1999. – P. 905–919.
19. Режим доступа : [www/ URL: http : //www.jornada.unam.mx/2001/sep01/](http://www/jornada.unam.mx/2001/sep01/)

010919/006 almun.html

ВІЗУАЛІЗАЦІЯ СУЧАСНОГО “ДИТЯЧОГО” ТЕКСТУ

Катерина ЗАЙЦЕВА

Київський національний університет імені Тараса Шевченка

Статтю присвячено особливостям візуалізації тексту для дітей в епоху медій. Проаналізовано взаємодію тексту і малюнка у книжках-картинках на рівні художній зміст / візуальна форма. З’ясовано вплив мультимедійного середовища на структуру художнього тексту, наратив та дитячу літературу загалом.

Ключові слова: “дитячий” текст, візуалізація, книжка-картинка, медіа, наратив.

Статья посвящена особенностям визуализации текста для детей в эпоху медиа. Проанализировано взаимодействие текста и рисунка в книжках-картинках на уровне художественное содержание / визуальная форма. Исследовано влияние мультимедийной среды на структуру художественного текста, нарратив и детскую литературу в целом.

Ключевые слова: “детский” текст, визуализация, книжка-картинка, медиа, нарратив.

The article deals with the peculiarities of visualization of the text for children in the epoch of media. The author analyzes the interaction of text and illustration in picture books on the level of content/visual form. The influence of media on the structure of a literary text, narrative and children's literature in general is shown.

Key words: “children” text, visualization, picture books, media, narrative.

Пропонована наукова розвідка продовжує вивчення проблеми візуалізації “дитячого” тексту, порушеної в одній із попередніх публікацій, де мовилося про інтерсеміотичний переклад, розповідність малюнка та візуальний наратив коміксів [9]. Наш інтерес до візуального аспекту літератури зумовлений, з одного боку, кризою дитячого читання, а з другого, – бажанням простежити, як мультимедійне середовище впливає/трансформує художні оповідні структури і дитячу книгу загалом. Адже зі з’явою Інтернету доля тексту в суспільстві суттєво змінилася, на цьому справедливо наголошує О. Біличенко [3, с. 200]. Як зазначає дослідниця, “*віртуальний світ замінює слово, в світовій комунікативній мережі зображення часто витісняє це слово*” [3, с. 157]. Відтак важливо дослідити “буття” друкованого художнього тексту і впливу на нього віртуального середовища. Якщо раніше в дитячій літературі (ДЛ) пригоди